

молодежь во всеоружии сил, ума, смелости спасает старушку от сумасшедшего дома, куда ее хотел посадить сосед, как говорится, «из-за квартиры». В спектакле комические мистификации, которые так любил Акимов, разыграны актерами местами весело и зло, местами назидательно и азартно — с холодной яркостью и несколько сентиментальным умилением. Акимов не понять, если забыть, что он жил в Ленинграде. Когда-то он назывался Петербург — город великолепных дворцов и блестящих салонов — каменный Нарцисс, горделиво смотрящий в воды Невы. В этом туманном и сыром городе барства могла родиться мечта о синем небе и белых замках посреди зеленых морей. Часто подобный пейзаж возникал в акимовских декорациях. Но сам он оставался городским человеком: его восхищали поиски современных архитекторов, его тревожила судьба старых зданий. Акимов не знал тоски по уходящей жизни, хотя любил и собирал антикварные вещи. Этот поэт вещей, этот режиссер-«дизайнер» мечтал не только о синих небесах и зеленых просторах, но и о комфортабельном убранстве мира; в конце жизни он улыбался будущему уже чуть дрожащей улыбкой.

В тот последний вечер шла прославленная «Тень». Говорят, Акимов почувствовал себя плохо и решил отдохнуть. Уходя из театра, он обещал вернуться к концу спектакля и, объясняя, пошутил: «Я не хочу, чтобы раньше времени распространялись слухи о моей смерти». Вернувшись, он выходил на вызовы; успех его радовал. В ту ночь Акимов умер.

Рядом с Николаем Павловичем

Интервью с актерами
Театра комедии

А. Бениаминов:

Мы утратили дорогого друга, наставника и соратника, который поражал нас могучей энергией; даже те, кто работал с ним десятки лет, не могут представить себе, сколько трудился этот человек. Даже когда болел, он рисовал портреты. Помню, делая плакат к пьесе Эдуарда Де Филиппо «Призраки», Николай Павлович сделал около сорока вариантов, чтобы выбрать один. Николай Павлович точно спешил, торопился отдать все, что имел, работая сверх всяких норм! Он оставил громадное литературно-художественное наследие.

Николай Павлович воспитывал коллектив в духе преданности и любви к своему театру, зорко следил за успехом каждого сотрудника, будь то артист или рабочий сцены. Он терпеливо растил каждого артиста, выскывая в нем то, что даже сам артист не предполагал в себе самом. Больше всего он ценил в актере изобретательность, развивал в нем умение самостоятельно работать. Репетиции с Николаем Павловичем всегда были праздником для нас, каким-то откровением. Удивляли светлый ум, глубокий анализ, поразительное проникновение в суть происходящего. Мы любили каждое его слово, мысль и предельно точное определение происходящего.

У Николая Павловича ирония перемежалась с сердечной добротой, мудрость — с чуткой внимательностью. Подчас он казался суровым и строгим, а по сути — был добрым и скромным, уважающим точку зрения других и готовым пересмотреть свои позиции. Но когда был уверен в чем-либо, то — непреклонным, готовым отстаивать свое мнение и в таких случаях непримиримым и воинственным.

Николай Павлович глубоко любил зрителей и перед любой премьерой обязательно приглашал на репетиции многочисленных друзей театра, молодых и старых. К тем и другим он чутко прислушивался. Трогательно было отношение Николая Павловича к ветеранам сцены: первые спектакли показывались им и только после этого — широкой публике.

Опыт и практика русского театра оказали на его творчество огромное влияние. Он очень любил Театр Вахтангова и вахтанговцев и, сколько мне помнится, никогда не порывал с ними. Я полагаю, что и теперь, когда нет с нами нашего дорогого Николая Павловича, дружба наших театров не должна прекратиться.

И. Зарубина:

Я проработала в Театре комедии более тридцати лет; фактически вся творческая жизнь прошла рядом с Николаем Павловичем, человеком очень разносторонним, очень сложным. Часто мы ссорились: мне казалось, что играю не те роли. Когда я пришла в театр, то уже имела много предложений из разных театров, однако замыслы Акимова покорили меня оригинальностью, молодым задором, новизной. Николай Павлович уже тогда поражал своеобразием индивидуальности. Человек одаренный и сложный, он был не из тех, с которыми можно было бы спокойно и легко работать. В театре были взлеты и падения, но я осталась ему верна, и сейчас, оглядываясь на

подолгу ждал от актера самостоятельного решения, лишь временами «подбрасывал» характерную деталь «Звонок в пустую квартиру» я играю в его пиджаке. По роли мне полагается быть в одежде старомодного фасона, которую оказалось трудно подобрать в костюмерной. Однажды на репетицию Николай Павлович принес свой старый полотняный пиджак, с «плеточками», в котором я сейчас и играю.

В. Карпова:

С Николаем Павловичем я любила работать больше всего. Правда, это было всегда очень трудно, мучительно, так как его мысль часто не поддавалась законам простой человеческой логики. Но когда я попадала в русло логики акимовской мысли, то работала с удовольствием и роль становилась любимой. Так было с Аннунциатой и Оливией, хотя само назначение на эти роли было для меня каким-то парадоксом.

Помню, когда мы работали над Аннунциатой, Николаю Павловичу все что-то не нравилось во мне.

Воропаев
(Пашкевич) и
Л. Леонидов
(Гонтарев).
Ничего
не случилось»
М. Гиндина
Г. Рябкина

прошлое, я считаю, что поступала правильно. Мне пришлось жить с Николаем Павловичем под одной крышей в течение двадцати лет. Больше всего поражало меня его необычайное трудолюбие, его неиссякаемая энергия. Акимов не знал отдыха — рисовал, делал мебель, разыскивал антикварные вещи. И еще я хотела бы сказать о любви Николая Павловича к молодежи и к молодости вообще. В театре часто мы, «старики», даже ревновали его к молодым актерам.

Е. Уварова

Мне всегда нравилось в Акимове-режиссере, что он подчинялся творчеству актера, не давил на него,

«Ты злая», — сказал он и тут же, на лице, кисточкой нарисовал два розовых пятна на щеках и белое пятнышко на носу; это, где-то балаганное, клоуновое решение образа во многом помогло мне в дальнейшей работе над ролью, которая, как и все, рождалась в муках, сомнениях, слезах.

Часто говорят, что в работах Акимова сначала форма, а потом — содержание, но это неправда. Он прежде всего видел квинтэссенцию решения мизансцен, характеров и на основании этого выбирал решение, которое было для него единственным, хотя логика подсказывала по крайней мере несколько вариантов. В жизни это был необычайно интересный человек.

Мой друг
Супер пер.

Говорил умно, образно, смешно и остро. Очень хорошо сказал А. Розанов, что на профсоюзное собрание, где выступает Николай Павлович, нужно продавать билеты. И даже когда он кого-то ругал, то делал это с тактом, юмором и в общем-то благожелательно.

В. Никитенко:

О Николае Павловиче трудно говорить: он весь создан из противоречий. Для меня он открыл мир. Я пришел в театр совсем молодым, окончив Киевскую театральную студию, и проработал с Акимовым шесть лет; встреча с Николаем Павловичем — это величайшее счастье в моей жизни.

Меня поражала его человечность. Для него главное было — открыть человека на сто процентов, и если, к счастью, ты раскрывался хотя бы на семьдесят, ты становился для него интересным, занимал свое место в труппе. «Проблемы молодежи» не существует в нашем театре. Николай Павлович, как в общем-то мало кто из режиссеров, считал, что молодой человек, закончивший вуз, — специалист. Эту мысль он не только декларировал, но неустанно проводил в жизнь.

Г. Воронаев:

Акимов — необыкновенная личность. Глубина и ясность его мысли, талант, юмор, благородство всегда вызывали во мне поклонение и уважение. Обладая богатейшей фантазией, мастерством построения спектакля, Николай Павлович никогда не сковывал инициативы актера, заставлял его мыслить, выжидал, доверял ему. Встреча с Акимовым — счастье в моей актерской жизни.

А. Зияковский:

На протяжении двадцати семи лет совместной работы с Николаем Павловичем меня поражала его деликатность и интеллигентность. Будучи страшно занятым человеком, он был доступен каждому рабочему театра по любому вопросу. Когда Николай Павлович отдыхал — неизвестно. Не раз бывало, что глубокой ночью у меня дома раздавался звонок, и Николай Павлович говорил о новом спектакле, о какой-нибудь интересной идее.

Акимов никогда не опаздывал на репетиции, после которых обычно возле его кабинета собиралась масса людей: и работников театра, и комсомольцев, которые просили выступить Николая Павловича на вечере, и работников Дома ученых, с которыми Николай Павлович был связан большой дружбой, и начинающих художников с папками, — он ни в чем никому не отказывал. Огромная любовь и понимание молодежи Николая Павловича приводили к тому, что молодой актер, принятый в труппу, сразу же получал ответственную роль. Каждый актер имел возможность работать над любой ролью. Николай Павлович разрешал это сделать даже тогда, когда заранее знал, что актер не справится; он даже помогал в этой работе, не навязывая своей точки зрения, тем самым давая возможность актеру самому убедиться в целесообразности выбора.

Его интересы не замыкались только театром. Он находил время для обсуждения актуальных проблем современности: политики, жизни, искусства. Он был внимателен к каждому работнику театра, его «оте-

ческие» выговоры были очень внушительны и категоричны, но содержали всегда столько остроумия, чуткости и уважения к человеческому достоинству «обвиняемого», что имели необычайную силу воздействия. Нам всем запомнился случай с открытым письмом к его любимому актеру о вреде пьянства, которое было вывешено для обозрения всей труппы. Это письмо имело большее воздействие на актера, чем строгие выговоры, которые могли бы последовать от руководства театра.

С именем Николая Павловича связана хорошая традиция нашего театра: ежегодно, в конце сезона чествовать юбиляров, будь то билетерша или народный артист. Для организации вечера за три-четыре месяца выделялась специальная группа и в полной тайне от всего коллектива, даже Николая Павловича, разрабатывала программу вечера, на котором использовался весь арсенал юмористического жанра. На вечер устремлялся весь Ленинград, так что театр был набит до отказа.

Много внимания Николай Павлович уделял строительству нового здания для нашего театра; сам разработал архитектурный план. Он был увлечен идеей открытия театра, спектаклем «Евгений Онегин», с музыкой Д. Шостаковича, в собственном оформлении. Утрата наша невозможна — это катастрофа. Ушел навсегда не только исключительный человек, но и незаурядная творческая индивидуальность, душа нашего театра. И сейчас главная забота всего коллектива — в нашей дальнейшей работе быть достойными называться акимовцами.

Л. Цуцальковский:

Через всю жизнь Николай Павлович пронес интерес и желание работать над пьесами Шекспира. В последнее время он работал над комедией «Конец — делу венец». Эта пьеса занимала его целиком; даже когда мы были на гастролях в Алма-Ате, а Николай Павлович по состоянию здоровья не мог находиться вместе с театром, он прислал актерам несколько писем, в которых делился своими мыслями, идеями о новом спектакле. Акимов, к сожалению, так и не успел его закончить. Он успел «развести» шесть картин, сделал эскизы декораций и костюмов. Оформление великолепно — это молодой Акимов.

Николай Павлович, конечно, прежде всего был художником, но в оформление вносил свой режиссерский замысел, даже когда спектакль ставил другой режиссер. Я начал работать над спектаклем-концертом по рассказам советских писателей-сатириков, и мне очень хотелось, чтобы Николай Павлович сделал оформление. Но, несмотря на всю свою заинтересованность, он отказался: «Если я сделаю оформление, то вам мало останется делать как режиссеру».

П. Суханов:

Это был наш большой друг; это был внимательный и строгий учитель. Был... Нет, он есть! Он есть во всех нас — тех, кто имел счастье с ним работать и у него учиться! Он есть в спектаклях и декорациях, им созданных, он живет в портретах и книгах, им написанных, он — в тех творческих замыслах, которыми так щедро делился с нами.